

“НЕ ГОРЮЙ, МАМА, НЕ ГРУСТИ...”

Письма с фронта павшего смертью храбрых

Лев Павлович Жучков родился в 1923 году в Приморье в семье кадрового военного Павла Филипповича Жучкова, участника освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов, вынужденного вскоре оставить службу из-за резкого ухудшения здоровья. Это был человек корчагинского племени, страстно отдававший себя утверждению социалистического строя и не щадивший для этого ни сил, ни здоровья. Он рано сгорел, ему было немногим больше сорока лет.

Лев Жучков провёл отроческие и юношеские годы в городе Куйбышевка-Восточная (ныне Белогорск) Амурской области. Они совпали с расцветом советской эпохи. По всему Союзу гремели имена не толстосумов и эстрадных певцов, а людей труда: трактористки Паши Ангелиной, шахтёра Алексея Стаханова, машиниста паровоза Петра Кривоноса, ткачих сестёр Виноградовых и других тружеников.

Находясь во враждебном капиталистическом окружении, советские люди вынуждены были держать порох сухим. В тридцатые годы особым вниманием и почётом пользовались у населения воины Красной армии. О них писались книги, ставились фильмы. В 1940 году, когда учительница спросила, кем бы ученики хотели стать, все мальчишки нашего четвёртого класса заявили, что они будут лётчиками, танкистами, моряками. Лев Жучков вступил на военную стезю не только из-за желания идти по стопам отца.

Учась в школе, Лев увлекался спортом и музыкой. Он играл на баяне и даже пробовал сочинять. Ему уже на фронте, по свидетельству его однополчанина, ставшего впоследствии военным историком, полковника А. Г. Кавтарадзе, командование давало возможность учиться в консерватории. Но он отказался: не мог оставить воюющими товарищей и отправиться в тыл.

Жил он с открытым, чистым и честным сердцем. Таким остался и на фронте. “Это была любимая всеми нами душа, – вспоминал воевавший под его командованием рядовой Ф. Н. Сташкевич, ставший после войны Героем Социалистического Труда, – мы всей батареей оплакивали смерть Льва Павловича”.

В письмах с фронта Лев Жучков был краток, ласково журил мать за слишком придирчивое и горячее, по его мнению, беспокойство о нём. Писал всегда, когда позволяли обстоятельства, и почти ничего не сообщал о войне и о своём участии в боевых действиях. Наверное, ему не хотелось лишний раз вспоминать кровь и смерть. “Были горячие деньки”, – всего тремя словами он сообщает о своём участии в марте 1943 года в ликвидации Ржевско-Вяземского уступа, где, по воспоминаниям генерала Михайличенко, немцы “проутюжили” семь наших дивизий. Погиб при взятии печально знаменитой Зайцевой горы и Владимир Шененевич, командир 4-й батареи, огневыми взводами которой командовал Лев Жучков.

Он не писал домой о подобных и других боях и вообще о трудностях фронтовой жизни, чтобы лишний раз не волновать свою мать. Он очень любил её и свою сестру и старался писать так, чтобы родные меньше переживали за него. И всего лишь единственный раз описал бой, когда фашисты пытались окружить и взять его батарею, но, верный себе, сообщал о нём так, как будто это была игра в оловянных солдатиков. Кстати, за этот бой его наградили орденом Отечественной войны 2 степени.

В. Лисевич, исследователь истории 572-го арtpолка, где служили его двоюродный брат Владимир Шененевич (ему перед войной прочили в одесском университете карьеру учёного) и Лев Жучков, написал о погибших:

“Говорят, что со временем боль утраты притупляется, проходит. Не верю я в это. Не проходит она и не пройдёт. Потеря талантливых молодых людей, почти юношей, которым жить бы да жить и радовать Отечество добрыми делами, потеря верных сынов Родины Лёвы и Володи – утрата неизмеримая и боль вечная. В тяжелейшее для страны время они грудью прикрыли её от врага. Наша Отчизна выстояла, благодаря таким её защитникам, какими были Лев Жучков и Владимир Шененевич”.

...Пишу письмо из полевых лагерей. Поселили в палатках. Выдали форму: гимнастёрку, галифе, сапоги, пилотку. Место хорошее, кругом зелень. Мы пока обживаемся: вымылись, обмундировались, устраиваемся поудобней в палатках. Живём нескучно, кормят хорошо. Желательно получить от вас целлулоидные воротнички и щётки – бельевую и сапожную. Лагерь находится в 120 км от Томска на реке Томи. С приветом, Лёва. 30 июня 1941 года.

...Ты, мама, не должна на меня обижаться, что я редко пишу письма. Я выполнил твою просьбу – сообщил о здоровье, о том, где нахожусь, а больше писать пока не о чем. Прошу сообщить, какова жизнь города в военное время, хотя, наверное, никаких существенных изменений не произошло. Сегодня один наш курсант получил письмо, пишут, что в Куйбышевке призваны 1921 и 1922 г. Интересно узнать, как дела у Павлика (одноклассника и школьного друга Льва. – **Т. К.**), взят в армию или уехал в училище и какое? Напишите, как дела у Виктории, Юрия (двоюродного брата) и всех родных. 17 июля 1941 года. Лёва.

...Вчера, 21 июля, часов в 11 вечера я получил два письма. Одно от вас, другое от Дуси (школьной подруги. – **Т. К.**). Письма, когда находишься вдалеке от дома, как бы сближают, уменьшают это расстояние. Поэтому ваши письма будут приносить мне только хорошее. Вместе с письмами пришёл перевод на 50 р. Я благодарен тебе и очень, мама, что так беспокоишься обо мне, но прошу денег не присылать, пока не попрошу.

Мне приятно было читать твоё письмо, мама, я благодарен судьбе, что имею такую мать. Правильно, мама, сейчас стоит вопрос жизни или смерти нашей страны. Я постараюсь учиться так, чтобы не быть лишним человеком на фронте. Я знаю, что тебе тяжело сейчас, но эти мысли надо держать при себе и делать всё так, как этого требуют фронт, война.

В скором времени я постараюсь выслать вам справку о том, что я являюсь военнослужащим. Из письма узнал, что вы познакомились с Дусей. Надеюсь, она вам понравится. Пока. С приветом, Лев. 22 июля 1941 года.

26 июля 1941 года ...Вчера получил ваше письмо, за которое очень благодарю. Хорошо сделали, что отдали один воротничок Павлику, он ему в училище пригодится. А тетради не надо присылать, ими нас обеспечивают хорошо. Спрашиваете, как поступил в училище? В дороге к экзаменам не готовился, сильно трясло, с непривычки не мог читать. А по прибытии экзамены сдавали в тот же день. Я сдал хорошо и попал в одну группу с Лёней Ворониным, Саяпиным и другими, кто хорошо сдал математику. А Филатова отправили домой ещё в начале этого месяца. Об этом всё. Желая, мама, быстрее тебе поправиться. Ты просишь, чтобы я почаще писал письма. Мне кажется, что я и так их пишу немало. 28 июля 1941 года.

...Второй день, как я в Томске. Но города в сущности не видел. Мы выгрузились на товарной станции и сразу же направились в училище. Помещение у нас чуждое. Кругом чистота, всё побелено и покрашено. Спим на койках, составленных по четыре: две внизу и две вверху. По приезду в Томск, когда ходили в баню, удалось попробовать помидоров, истратил на них последние двадцать рублей. Но я не тужу, у меня в запасе 15 пачек махорки – надолго хватит. В училище я пока получил только сорок рублей, из них половину отдал в фонд обороны. Одобряю, что и вы отдали в фонд обороны

облигации займов, а значит, оказали помощь и мне, поскольку теперь я человек военный. Если возможно, пришлите перчатки, шерстяные носки, если они есть, белого материала для подворотничков и две иголки. 1 сентября 1941 года.

...Побывал в Доме Красной армии. Здание хорошее, старинное. Улица, где стоит ДКА, тоже понравилась. Учусь хорошо. По предложению командира взвода выдвинут кандидатом в красноармейский суд чести. Значит, кое-чего я стою. В предыдущем письме, наверное, тебя, мама, я напугал тем, что сижу без денег. Вполне обхожусь без них. К тому <же> пятнадцатого у нас полчка. 6 сентября 1941 года.

...Живу по-прежнему хорошо. Всё время поправляюсь. Мне об этом ребята чуть ли не каждый день говорят. У меня сейчас еле воротник сходится. Деньги, которые я просил в предыдущем письме, мне уже не нужны. Лёня Воронин на 100 рублей получил перевод. В выходной получили деньги и отдали часы в ремонт. Грустно, что я опять сижу без махорки, не говоря уже о папиросах. Поэтому, мама, выручай сына, а то он совсем разучится курить. Я об этом пишу, наверное, в каждом письме, но ничего не поделаешь — я стал несправимым и заядлым курильщиком. Мне сегодня пришла в голову мысль, что если бы мне пришлось позаниматься в школе так, как мы здесь занимаемся, то я считал бы себя просто молодцом. Сейчас я не могу понять, как это человек мог иметь столько незанятого, пропадавшего зря времени!

2 октября 1941 года.

...Сегодня, вернее, вчера, т<ак> к<ак> сейчас уже 2 часа ночи, получил ваше письмо, за которое очень благодарю. Посылку, о которой вы сообщаете в письмах, ещё не получил. Сладкого можно немного послать. Сахар нам дают, но если представится такая возможность, то я не прочь и полакомиться, хотя прекрасно обойтись могу и без засылания мне такого рода вещей. О перчатках не надо беспокоиться, нам их выдадут, только неизвестно, когда. Музыкальных инструментов здесь хватает, но ни на одном не играю — нет времени, так что баян высылать не надо, всё равно будет стоять без дела. Сфотографироваться до сих пор ещё не сумел. В прошлый выходной в город не ходил, участвовал в воскреснике, после которого сразу же заступил в наряд. Вы пишете, что хотели бы посмотреть на меня. Мне тоже хочется повидать вас, но не такое сейчас время, чтобы этим заниматься. Я, мама, сильно изменился. Это я замечаю даже сам за собой. Изменений много: стал аккуратным, опрятным, дисциплинированным и т. д. Так что папины слова на этот счёт не оправдались. Он обо мне не мог бы сказать ничего плохого сейчас. (Отец Льва умер незадолго до его отъезда в училище. — Т. К.).

10 октября 1941 года.

...Вчера получил посылку. Это уже третья. Она произвела на меня самое хорошее впечатление. Всё, что прислали, нужно мне. Главное — папиросы, да ещё пред праздником! Сегодня 7 ноября. Были на площади, после этого всё время отдыхаем. После обеда я проспал три часа, проснулся и подумал, что уже утро. Отдыхаем мы только сегодня. Завтра снова обычные занятия. Вот уже два дня идёт снег, наверное, не растает. Надвигаются морозы. Я одет хорошо, тепло. Мне нужны теперь только валенки. Их высылайте без промедления. Я, как и предполагал, пришёл к празднику только с хорошими и отличными результатами. Это мой вам праздничный подарок. Больше я вас ничем обрадовать не могу. Хотел послать поздравительную телеграмму, но на почту не пускали, а сейчас уже поздно. Да и из расположения батареи уходить нельзя: наше подразделение дежурное. Сейчас пойдём на ужин, а потом состоится встреча с бывшими курсантами, участниками Отечественной войны. Я и мои товарищи по взводу уже “старички”. Основное прошли. Я думаю отпустить волосы. Чувствую себя полноценным командиром. К военной жизни давно привык, то, что мы изучили, знаю хорошо. На фронте товарищам обузой являться не буду. Время свободное заканчивается. Скоро построение. Ребята дали высокую оценку последней посылке и очень благодарят за неё. 7 ноября 1941 года.

...Сегодня я выпустился из училища младшим лейтенантом (всех так выпустили). Получу обмундирование и более 500 рублей. Завтра еду в часть, на дорогу денег хватит. Будьте живы и здоровы. За меня не волнуйтесь. Привет родным и знакомым. Лев. 2 февраля 1942 года.

...Третьего февраля получил документы и выехал из Томска. Еду в Москву, на Западный фронт (в Москве пересадка). Денег дали 650 рублей да 150 у меня было. Еду без продуктов, но на станциях в буфетах кормиться можно, и довольно дёшево. Кроме того, в поезде есть ресторан. Так что голодать не придётся. Настроение нормальное. Привет всем. Письмо послал из Тюмени. 4 февраля 1942 года.

...5 марта 1942 года. Здравствуйте, мама и сестрёнка! Пишу письмо с фронта. Жизнь пошла другим руслом, пришлось приспособливаться. Взвод у меня хороший. Народ пожилой, воюет с начала войны. Приняли меня хорошо, я сразу как-то обжился и не отличаюсь от старых фронтовиков. Деньги на фронте девать некуда. Я послал вам из Можайска 300 рублей – остатки томских денег. Здесь мне нужно получить ещё рублей 800, но получать их некогда. С Ворониным в одно место не попали. Живу прекрасно – сыт, тепло одет, здоров. У меня даже насморк пропал, который часто мучил меня в Сибири (ходить-то в сапогах!). А тут получил ватную тужурку, штаны меховые, варежки, валенки и др. Так что обо мне не беспокойтесь. С приветом, Лев!

...10 марта 1942 года. Направлялся в баню, а машина пока не пришла, поэтому имею время написать письмо. Из училища я вам писал короткие письма, сообщать-то было нечего. Думал – с фронта буду писать метровые, а получается старое. Да и что писать-то? Воюем, да и всё. Сегодня поговорили в штабе, чтобы вам выслали справку, какую посылал из училища. Прошу выслать мне адрес Василия (родственника семьи Жучковых) и Павлика.

...28 марта 1942 года. У меня возникло желание узнать, что из себя представляет новый управляющий совхознаба. Что за человек, какая у него семья? Как у него идут дела? Скажи ему – пусть работает так, как на его месте работал мой отец. Лучшего я ему пожелать не могу. Напиши, мама, что с квартирой, дровами, продуктами. Вообще напиши подробнее, как живёшь, работаешь. Ну, а наши дела вы знаете из газет. Одно могу добавить – донимают сырость и грязь. Но пусть приходят почаще письма, и сырость мы переживём. Передайте привет, если он хороший человек, управляющему. Привет родным и знакомым.

...31 марта 1942 года. Я вам, наверное, надоел письмами, чуть свободное время – принимаюсь писать. Уже, кажется, обо всём переписал, а ответа ещё ни на одно письмо нет. Как будто у меня чего-то не хватает, недостаёт из-за этого. Я желал бы узнать, как поживают мои дядья, где и как работают, думают ли идти к нам с Василием на помощь. Насчёт помощи я так, для шуток, им и там, если захотят, работы будет по горло. А мы и без них управимся. Кстати, о Василии. Я, как уехал из дому, ничего о нём не знаю. Может, вы что-то о нём знаете, напишите. Раздумался я о вас и вспомнил, что дом наш стал оседать на одну сторону. Ремонтировали его или нет? Как чувствует себя Джек (собака)? Ведёте ли какое хозяйство? Видите, сколько у меня к вам вопросов, и ни на один ответа нет.

...22 апреля 1942 года. Очень рад вашему письму, наконец-то наладилась связь. Пишу письмо из санчасти. Я немного простыл, четыре дня продрожал в землянке, стал лучше – пошёл в санчасть, где признали бронхит в лёгкой форме и оставили там подлечиться. Сейчас чувствую себя совершенно здоровым, читаю книги да слушаю патефон. Насчёт травмы ноги я даже писать вам не стал. Это в письме домой из училища Воронин раззвонил. Правда, мне ещё и мизинец переломило. Я пролежал в Томске 13 дней в госпитале, обманным путём ушёл, притянул бинтом палец к остальным, уже в Москве он сросся. Деньги оставлять у себя не буду, они мне, повторяю, не нужны. Вот разве на покупку часов придётся истратить. Без часов трудно.

Вика, насчёт соцдоговора я не против, только ведь не обязательно комиссару проверять его. Он проверяется комиссией или всеми вместе, подводя итог. Вот и мы после войны с тобой его подведём. Я знал, что мама будет работать хорошо, и поздравляю её с благодарностью, а вот что ты работаешь так, что маме не нравится, это плохо. Может, ты и с отличниц уже скатилась? Почему мало пишете о себе? Как живётся, как дела с питанием, деньгами? Меня эти вопросы очень интересуют!

...3 мая 1942 года. Сегодня получил три письма, два от вас, одно от Дуся. Положил их перед собой, закурил, перебрал по одному, просмотрел все печати, штампы, посмотрел письма на свет и только после этого приступил к чтке. Поздравления ваши немного запоздали, но это не важно. Хоть и не роскошно, но и на фронте я сумел справиться и день рождения, и Первое мая. День рождения отмечал ещё в санчасти...

Адрес Павлика мне прислала его мать. Получил письмо от Василия. Он, оказывается, в училище и в апреле должен был выпуститься. Ты, мама, за меня не беспокойся. Правда, я нахожусь всё время в опасности, но таких, как я, много, и это должно придавать тебе бодрости. У меня не всегда есть возможность не только письмо написать, но и поспать. Это ты должна понимать. Поэтому задержка с письмами не должна приводить тебя в уныние. Ты должно всегда работать хорошо и радостно. Своей работой ты помогаешь мне.

...25 мая 1942 года. Порядочное время не писал вам писем. Были горячие дни. Сейчас врывается в землю, вернее, в глину. Целую пятидневку ходил грязный, как чёрт. Но основное сделано, и жить стал веселее. Нехватки ни в чём нет. Вот только кривой трубки не хватает. Нам сейчас дают лёгкий табак разных сортов по 100 граммов на неделю, и сворачивать сигарки неудобно. Но я заказал трубку с одним товарищем, уехавшим по делам в Москву. Время стоит тёплое, прилетели птицы, травка растёт. Вот только пейзаж портят воронки от разрывов бомб и снарядов. Я бы в это время мчался куда-нибудь на велосипеде. Да, если будет туго, то продавайте велосипед и баян. Приеду — новое наживём. Только часы отцовские берегите.

...11 июня 1942 года. Пришёл с НП (наблюдательного пункта), и мне ребята вручили письмо. Решил сразу же написать ответ. Получил письмо от Павлика. Он сейчас в Москве. Обижается — 5 месяцев едет на фронт и никак доехать не может. Живу хорошо. Родина обеспечивает абсолютно всем. Я, как и вы, подписался на заём — 1000 рублей. Ты, мама, наверное, хорошо научилась шить мужское. Вот приеду, ты мне сошьешь хорошую форму, подобающую артиллеристу. Ведь артиллерист считается самым культурным командиром. Так что за будущий военный костюм я теперь спокоен. Шутки шутками, но у меня есть серьёзный вопрос — каковы базарные цены на продукты? Опишите подробно. Передайте от меня привет красноармейцу Русяеву Д. Г. (дядя Льва). Надеюсь, что его дисциплиной здорово не жмут. Отвыкли ли они с дядей Володей от старой привычки (выпивки)? Передайте, что после войны им придётся держать отчёт по всей форме. Посматривайте за Германом (двоюродным братом). В его возрасте ребята начинают баловаться табачком. Просмотрите, поймёт вкус, трудно будет отучить. Извините, что стал реже писать.

12 июля 1942 года. Западный фронт. Мама, я был немало удивлён, что ты написала письмо командиру полка. Сообщаю тебе, что я по-прежнему жив и здоров и продолжаю бить фрицев. Прошу тебя, мама обо мне так сильно не беспокоиться, это ни к чему хорошему не приведёт, только последние нервы истреплешь, которые тебе нужны совсем для другого. Жизнь моя течёт нормально, настроение хорошее, условия неплохие, конечно, в разрезе фронтовых понятий. Получаю письма от ребят, с которыми учился в Томске, в том числе от Л. Воронина. Недавно получил письмо от Н. Ерёмченко (однокурсника). Пишет, что завидует мне и жалеет, что не пошёл вместе со мною в училище, думаю, что твоё сердце, мама успокоилось. Простите, что плохо написал. Дело в том, что сейчас 2 часа ночи и голова немного утомлена.

...7 сентября 1942 года. Опасаясь, как бы вы не написали опять командиру полка, спешу уведомить, что мне присвоено очередное звание, что наша батарея первая в дивизионе и, пожалуй, в полку. Вот коротенько всё.

...22 сентября 1942 года. Западный фронт. Большое спасибо за заботу, которую вы проявляете обо мне. Я всем обеспечен, деньги мне не нужны, на них на передовой ничего не купишь. Если сможете, то пришлите в письмах с десятком носовых платков и пробу с вашего урожая табака, тоже в письме. В куреве я не нуждаюсь, но просто хочется покурить домашнего, родного, дальневосточного.

...15 декабря 1942 года. Здравствуйте, мои дорогие! Несказанно рад, что вы не забываете меня, дармоеда. Обрадовался, мама, что ты теперь работать в дневную смену. Я очень беспокоюсь за тебя. Ночная работа может оставить тебя без зрения. Хорошо сделали, что не приняли от вас мёд. Подумаешь, достали полкило мёду и спешат отправить его мне! Мама, ты лучше за Викторией смотри, у неё здоровье не ахти, а я с успехом проживу, даже если придётся сидеть на одном хлебе. Я писал Дусе, что собирался с okazjiей побывать в Москве, но в связи с действиями на нашем фронте эту затею пришлось отложить. Если бы вы знали, как я по вам соскучился. Охота мне на вас посмотреть, а больше всего – на Динку (двоюродную сестру), она, наверно, изменилась больше вех. Как у неё с зубами? Мне почему-то кажется, что она меня забыла, т<ак> к<ак> была полтора года назад совсем маленькая. Остаюсь любящим вас сыном и братом, Лев.

...20 декабря 1942 года. Высылаю фото. Сфотографировался, как мог. Только наладили производство – вышел материал. Но думаю, вас пока мой портрет устроит, отдельные мои части на нём разобрать можно. Если не трудно, пришлите мне, пожалуйста, пятизначную таблицу логарифмов, если нет, то четырёхзначную (учебник средней школы) и шахматы, как можно меньших размеров и без доски. Простите, что я так часто надоедаю вам всякого рода просьбами.

...15 января 1943 года. В последние дни не имел свободного времени, чтобы ответить на ваши письма. Были всё время в движении. Переехали на новое место, заново оборудуемся. Думали – нас пошлют на юг, оказалось, что там без нас хватает людей. Дней пятнадцать побыл в тылу, где передвигались. Повидал многих томских товарищей. Встретил и одного земляка из Куйбышевки – Алексея Шевченко. Вместе встретили Новый год. Получил посылку, дошло всё, особенно рад свитеру.

...17 января 1943 года. Последнее твоё письмо, мама принесло мне большую радость. Хоть ты и не писала мне, что Павлик убит, я знал, что официально об этом сообщение было. Я никак не мог примириться с этим. И оказался прав: таких, как Павлик, не убьёшь. Так, значит, я на фотокарточке во многом изменился? Признаюсь, что я и сам замечаю в себе изменения, как положительные, так и отрицательные, не только внешне, но и внутреннее. Правда, в основном я остался прежним, да и измениться за 1,5 года сильно нелзя. Школьные увлечения – спорт, музыку – люблю по-прежнему.

Передайте маме Павлика, что я рад за него. Я даже завидую его положению. Хоть попал он на фронт позже меня, но испытать ему довелось больше и сделать пользы (в этом я не сомневаюсь) много.

...20 февраля 1943 года. За прошедшие дни получил несколько ваших писем, но ответить на них не имел возможности – всё время передвигались. Временно остановились в одной деревушке – спешу дать ответ, т<ак> к<ак>, по всей вероятности, следующее письмо придёт не скоро. Нахожусь в самом прекрасном состоянии духа, здоровье хорошее, всё в порядке. Мама, напиши, устроилась ли ты на новое место? (из-за большой потери зрения ей пришлось оставить швейное производство. – Г. К.). Всё ли у вас в порядке, как денежные дела? Продлить аттестат не удалось, в штабе не оказалось нужного бланка. Буду высылать деньги почтой. Не нужна ли новая справка?

... 4 марта 1943 года. Посылаю пару писем исключительно с почтовой бумагой, по 15 листов в каждом. То, что у вас нет бумаги, доказывает лист, вырванный из "Истории гражданской войны", использованный на письмо. Признаться, мне это не понравилось, потому что я сам "человек войны", мне будет больно, если к книге "Великая Отечественная война" (а она выйдет обязательно!) будут относиться так же, как вы отнеслись к "Истории гражданской войны". Подходит конец обороне и на нашем участке. Ждите писем с описанием боевых действий, а не сообщений о том, что жив и здоров, которые, мне думается, и читать уже надоело. Мама, не вздумай обижаться. Я просто изложил своё мнение в отношении ценных, поучительных книг. Думаю, ты со мной согласишься.

... 23 марта 1943 года. Простите, что долго не писал. Были горячие деньки. Несколько дней назад поставлен работать командиром батареи (заменял комбата, которого убило). На нашем участке оборона сменилась активными действиями, и радостно становится, когда, читая газеты, найдёшь строчку про дела, в которых принимал личное участие.

2 апреля 1943 года. Погода стоит замечательная, снега уже почти нет, вода заливает блиндажи и траншеи, кругом грязь. С водой приходится вести настоящую войну. Не имею никакой связи с Василием. Адрес дяди Павла (отца его) не знаю тоже. У вас просил – почему-то не прислали. Пишет ли дядя Дионисий?

Последние дни сижу в благоустроенном блиндаже, развлекаюсь радио, читаю, пишу письма, ну, и воюю понемногу.

... 28 апреля 1943 года. Если не ошибаюсь (подсчёт проводил довоенным способом), моё письмо должно прийти как раз к окончанию Викторией 7-го класса, поэтому поздравляю Victoriю с успешным окончанием неполной средней школы. Насчёт успехов, думаю, не ошибся. Спасибо, что хоть вы вовремя отпраздновали мои именины. А то я в то время в такую заваруху попал, что вспомнил о них только на третий день. От Павлика ничего нет. Не знаю, что и предполагать. Если не ошибаюсь, то вы с его мамой частенько слезу пускаете сообща. Не думайте ничего плохого. После войны оба приедем. Я назло некоторым, вроде Галины Павловны (завуч школы, где учился Лев. – Г. К.), которые не считали меня человеком, приеду и докажу, что и мы не лыком шиты. Живу пока спокойной зажиточной жизнью. Даже зайца было заимел, да только он недолго у меня побыл: на третий день утром забыли дверь закрыть.

... 6 мая 1943 года. Я писал вам уже, что стал командиром батареи. За последнее время пришлось крепко поработать, испытание на комбата выдержал с честью. 1 мая был награждён медалью "За отвагу". Надеюсь, что в последующих боях принесу ещё больше пользы Родине в борьбе против немецких захватчиков. Несколько раз видел Воронина Леонида. Он тоже старший лейтенант, адъютант генерала. Получил письмо от Василия, он всё ещё учится. Получали ли справку, переводы? Аттестат я выслал. С начала мая будете получать по нему.

... 5 августа 1943 года. Здравствуй, родная! Ты пишешь, что боишься за свои письма, что они получают все на один лад, поэтому доверяешь писать Виктории. А я, наоборот, люблю твои письма за их простоту, мне кажется, что ты со мной сидишь рядом и говоришь. Виктория хочет казаться взрослой и пытается писать "умные" письма, составляет надуманные предложения, а мне бы хотелось, чтобы попроще, натуральнее писала, а эрзац-мысли оставила бы для обсуждения, когда вернусь домой. Только ты, мама, не говори ей об этом, а то будет ходить надутая и совсем перестанет писать. Живу хорошо, порой даже кажется, что не на фронте, а у бабушки в тайге. Всё так же, только сопки острых нет, да и лес помельче.

... 15 августа 1943 года. Здравствуй, Виктория! Ты письмом меня сильно напугала. Неужели мама написала командиру полка снова? Да он меня съест. Мы в июне-июле наступали, и было не до писем. Сообщаю, что скоро получу "Красную Звезду". Видишь, я от тебя не отстаю, воюю, кажется, неплохо.

Обо мне не беспокойтесь. Я уже столько разных испытаний и опасностей прошёл, что думаю – других и выдумать невозможно, и цел. Надеюсь, и в дальнейшем будет так же. Сегодня видел Л. Воронина, он на той же должности, но хочет попасть куда-нибудь в часть.

...1 сентября 1943 года. Здравствуй, Вика! Спасибо маме, что она запросила обо мне у меня же, а то бы мне крепко досталось. Хороши ли места, в которых я нахожусь? Все леса избиты бомбами да снарядами, всё в траншеях и окопах, деревни вокруг все немец пожёг. Красоты осталось мало, но жить можно, терпимо. После войны сюда жить ехать не советую – у нас гораздо лучше. Можно съездить лишь на экскурсию, посмотреть на места, где проходили бои. Можешь меня поздравить – недавно приняли из кандидатов в члены ВКП(б) и награждён орденом “Красная Звезда”. В остальном всё по-старому. Маме скажи, чтобы так зря больше не волновалась.

...20 сентября 1943 года. Здравствуй, мама! Заметь, как добросовестно я тебе пишу. Хотя мы и наступаем, я использую свободную минуту для письма. А ты это не ценишь. Мама, я верил в наши силы, в нашу победу всегда, но такого, чтобы наступать от Таганрога до Рославля, представить себе не мог. Несколько дней уже еле поспеваем за пехотой. Правда, этому мешают переправы. За эти дни я превратился в какого-то дорожного мастера. Война научила меня всему помаленьку: пищу готовить, жильё строить, дороги ремонтировать и многой разной мелочи. Настроение прекрасное. Вступили на территорию Белоруссии.

...16 октября 1943 года. Повинуясь твоему, мамаша, приказанию, сообщая, где нахожусь. Я был участником освобождения г. Кричева, наш полк получил наименование Кричевский. От Павлика давно нет известий. Сделал попытку найти его через Москву. Мама, меня интересует, можно ли достать хромовые сапоги и сколько они будут стоить?

...4 ноября 1943 года. Здравствуй, сестрёнка! Большое спасибо за подворотнички. Неплохо и в дальнейшем продолжать в этом же духе. От носовых платков и воротничков я никогда не откажусь. Жизнь у меня однообразная – войкой да войкой. Разленился я в армии здорово, разъелся и вообще испортился. Приеду домой, не рады будете иметь такого родственника. Профессия у меня такая – только бить да ломать. Её я, кажется, освоил неплохо, чем больше разрушу, тем больше радости. Боюсь, что привычка разрушать останется у меня навсегда. Адрес Павлика получил, написал ему, но ответа пока нет.

...11 декабря 1943 года. Мама, я очень прошу передать дяде Володе, что написал ему несколько писем, но ни на одно ответа не получил. Спроси, есть ли у него совесть. Посылку не получил, и нет надежд на неё – могли отправить в другую часть. В жизни и службе всё благополучно. Пока большего не желаю, кроме скорейшего окончания войны, а там будет видно. Будем надеяться на счастливый исход в моей жизни. Какая у вас зима? Здесь всюду грязь.

...20 декабря 1943 года. Вика, прошу тебя, если только это можно провернуть, чтобы ты снабжала меня художественной литературой. По-моему, бандеролью можно будет присылать. Не откажусь и от художественных журналов. Шли Пушкина, Чехова, Гоголя, Горького, Зощенко, Шолохова, Островского и др. Какие будут книги, те и шли, хоть каждый день. Если нужны на это деньги, вышлю.

...6 января 1944 года. Не терпится узнать, чем порадовал вас Новый год. Для меня всё началось благополучно. Наступаем. Присвоили очередное звание – капитан. Для двадцати лет вполне достаточно, даже, пожалуй, сверхдостаточно. Все мои желания исполнились так быстро, что на 44-й год ничего не осталось, кроме сильного желания окончить войну. Постараюсь приложить все силы для этого. Уже 15 дней ни от кого нет писем. Тут какая-то загадка: чем больше пишу, тем меньше получаю. Наверное, чтобы больше получать, не надо отвечать на письма. Только нет охоты подвергать себя опасности получить внеплановую нахлобучку от командира части. В остальном всё хорошо. У нас

ещё не было настоящих холодов. Валенки не надевал и шубу тоже. Виктории советую писать побольше о жизни школы и передавать учителям от меня каждый день привет, а то посчитают, что воспитанник их забыл.

...20 января 1944 года. Меня удивляет, мама, что считаешь меня скрытым. Обманывать не собираюсь. В самом деле живу хорошо. На войне тоже можно комфортабельно устроиться, конечно, относительно: на фронте привыкаешь довольствоваться малым. Ну, а о мокрых валенках, бессонной ночи и других мелочах, повсеместно сопровождающих нас, по-моему, нечего и писать, неинтересно тебе и мне. Пожелания твои Лёне Воронину могу передать лишь письмом. Вот уже месяца четыре с ним не встречался. Он сейчас командует противотанковой батареей. На этот счёт я, кажется, всех друзей переощеголял: у меня потяжелее орудия. Живу, мама, хорошо, правда, не как на даче, но всё же в тепле, свете, даже сплю без сапог, что не всегда себе разрешаю. Батарея на Новый год стала передовой в части, что, правда, не мешает мне получать нахлобучки и даже “сутки” от ком. части, но без этого, как ни стараюсь, никак обойтись не могу. Вот и всё, что я мог тебе написать, ничего не скрыл, вернее, ничего не наврал, хотя не обо всём написал. Я имею большую обиду на цензуру, никак не дают написать что-либо серьёзное. Получишь другой раз письмо от друга, а там и читать нечего. Вместо писем какие-то мозаичные листки получаешь. Как успехи у Виктории? Признаться, она мне нос утёрла, несколько лет учится отлично. Я, пожалуй, восторжествовал бы, если бы она получила хоть один “пос”*, всё же на меня будет похожа.

...7 февраля 1944 года. Здравствуй, Виктория! Спасибо за песню, за труды, но... у меня уже нет интереса к плаксивым словам. Сейчас увлекаюсь книгами (по возможности) и немилосердно терзаю баян, даже сам сочиняю. Правда, написал всего один фокстрот, послал его на оценку Б. Авдееву, известному музыканту. Боюсь, что на этом моя композиторская деятельность и закончится. Завожу дружбу с хозяйственной частью, чтобы с её помощью перешить гимнастёрку на китель и шить в шаровары неположенный красный кант. Видишь, какими серьёзными делами я занимаюсь, а ты ко мне с лирическими, да ещё плаксивыми песенками лезешь. Так что в другой раз присылай пободрее, а в основном упор бери на художественную литературу – посылай книги бандеролью.

...15 февраля 1944 года. Вика, маме я побоялся сегодня писать, боюсь, как бы она опять не сделала из моего письма какого-либо вывода, не соответствующего действительности, и обязательно не в мою и не в свою пользу. В прошлый раз написал ей: “...заболело внутри – тянет слишком домой”. Получаю в ответ вопрос – опасно ли я болен, скоро ли поправлюсь. Передай маме, что “проболел” всего два дня, теперь, слава Богу, вылечился – домой так не тянет. Но всё же при воспоминании о вас иногда опять проступают признаки “болезни”. И, пожалуй, совсем вылечить мне не удастся. Дуся пишет, что мама у нас замечательная, а я бы этого не сказал. Не знаю, как ты, но я с ней жил довольно-таки плохо: колотить тебя не разрешала, запрещала курить, поздно приходило домой (правда, здесь я отвоевал себе некоторую самостоятельность, когда попал в духовой оркестр железнодорожного клуба), заставляла мыть пол и посуду и делать другую “бабью” работу, а какой скандал поднимала, если я приносил к концу четверти два-три “поса”, выливая сколько слёз! Нет, для меня мамаша ничего хорошего не представляет, и я рад, что не принято мамаш на фронт пускать, а то бы тут, на меня глядя, она с ума каждый день сходила. Пусть мамаш сидят в тылу и представляют нас, их защитников, вечно стреляющими, потными, грязными, кричащими нечеловеческим голосом “ура!”, героями всех фронтов и боёв, серьёзными и значительными во всех делах и поступках, пусть представляют нас такими, какими хотят видеть. Этого им запретить нельзя. Одного бы я хотел, чтобы не выказывали своих женских слабостей и не писали бы таких душераздирающих писем, от которых можно лишиться сна и аппетита. Интересно, как ты с мамашей живёшь? В моей жизни пока всё без перемен. От нечего делать сижу и выдумываю разную чепуху, чтобы не остаться у тебя в долгу.

* Школьная оценка “посредственно”.

...21 февраля 1944 года. Отвечаю на ваши вопросы. Отпуска получаем. Я в 43-м ездил в Москву. Надеюсь, и в 44-м там побывать. Но отпуска короткие, а чтобы у вас побывать, надо суток 40-50. А на такое время меня никто не отпустит. Как же мне не помнить Дегтяря, если он однажды выгнал меня из музыкального кружка за то, что я не поехал с джазом в Благовещенск? За его скаредность мы устроили ему что-то вроде забастовки и не играли на танцплощадке целых полмесяца. Свободные часы стали скучноватей – опять забрали у меня баян. Книг непрочитанных тоже нет, а Вика новых присылать не собирается. К баяну пристрастился здорово, решил заводить свой, уже отложил на книжку 300 рублей. Я очень плохой эконом. Как будто деньги и девать-то некуда, а скопить не получается. А ведь мог уже не на один баян собрать. “Вырасту”, научусь и этой премудрости. Любящий вас Лев.

...5 апреля 1944 года. Начало апреля, а у нас настоящая зима разыгралась: снег, мороз и ветер, дороги все перемело, еле ноги таскаю. Вот только когда оправдало себя зимнее обмундирование. Хоть настоящую зиму почувствовали. Настроение хорошее, жизнь пока улыбается. Остались ли ноты для баяна? Если есть, то вышлите в конвертах по листу, по два вальс “Прекрасный розмарин”, “Радость любви” Крейсlera, “Турецкий марш” Шуберта, “Чардаш” Монти и что-либо из танцевальной музыки. Конечно, не всё сразу, но как можно побыстрей. Выслал 1000 рублей. При первой возможности вышлю ещё.

...9 апреля 1944 года. Мама, Виктории уже шестнадцать с половиной лет, она уже девушка, и надо меньше мешать ей жить. Кино и танцплощадка в определенном возрасте составляют важную часть жизни не только для девушек. Была бы она мальчишкой, я посоветовал бы ей ходить вечно с синяками, целыми днями сидеть в речке, крутиться на турнике, ходить на охоту и т. д. Это, конечно, в “личное время”, как у нас говорят. Трудно в такое время удовлетворить все её желания, а хотелось бы, чтобы хоть она пожила у нас без забот, чтобы от юности у ней осталось самое светлое, самое радостное воспоминание. Может, мы успеем что-либо для неё сделать, ведь конец войне не за горами.

...29 апреля 1944 года. Сижу в блиндаже на высотке, пришиваю пуговицу. Твоя, мама, наука пригодилась. Вспоминаю твои уроки и то, как отец тоже что-нибудь пришивал или зашивал. Интересно, какие доводы ты ему приводила? Мне же говорила, что не век с мамой жить будешь. А ему? В данной местности, где нахожусь, болот много, а грязи даже на возвышенных местах полно. Обитаю на горке, а в блиндаже – вода. Сразу поправляюсь – немного воды, не уточни – будешь, мама, опять беспокоиться, как бы я насморк не схватил.

...9 июня 1944 года. Боюсь, что у вас полупаника, так как я почти месяц ничего не пишу. Был в доме отдыха под Москвой. Домой меня не пустили – поезжай в Подмосковье, в случае надобности чтоб мог вернуться. Отдохнул замечательно, всю Москву избегал, даже заблудился один раз. Но большую часть времени находился в доме отдыха, загорал, купался, играл в бильярд, а вечером ходил на танцы. К танцам у меня большой охоты нет, но неудобно просто было: все танцуют, а я сижу. Набрался нахальства и стал учиться танцевать. У меня страдали лишь сапоги, а некоторые партнёры и партнёрши чуть было не лишились ног (вес-то во мне порядочный). Азы танцев усвоил, надеюсь, что через полгода всё забуду. Настроение, здоровье, дела по службе – всё прекрасно. Ни на что не жалуясь, ни на что не претендую. Кто как, а я даже в таких условиях рад жизни. Хорошо быть молодым, здоровым, иметь уйму радужных надежд на будущее. Открылся второй фронт. Дела пойдут, пожалуй, вдвое быстрее.

...4 июля 1944 года. Мамаше и сестрёнке привет от неблагодарного, неаккуратного родственника! Вины моей в молчании нет, опять начались жаркие делишки. Я как-то писал вам, что у нас день на день похож, но это в обороне. А в наступлении отличаются они порой сильно. Прошлой лето я участвовал в порядочных боях, но в этот год они ещё более сильные. Во взятии Могилёва есть частица моего труда и пота. Пленных ведут сотнями, их ещё и после нас

вылавливают в лесах. Хорошее настало время. Пленные фрицы с перепугу говорят, что война окончится через десять дней. Посмотрели бы вы, как я с дружкой осваивал трофейную легковую машину! В Могилёве под огнём достали её, закатали за дом, а завести не можем — шофера-то у нас липовые. Пришлось пользоваться услугами пленных. “Усвоив” все правила и приёмы, поехали на командный пункт. За два дня тренировки мы до того напрактиковались, что у машины не стало работать сцепление, действовала только одна скорость, а для того, чтобы завёлся мотор, мы с помощью товарищей толкали её и на ходу заскакивали в кабину. Много мы наполучали насмешек, но продолжали ездить, подобрав хорошую команду толкачей.

...9 июля 1944 года. Не имею времени много писать. Идут великие дела, если выразиться громко. Наступаем. Письмо пишу в Минске. У меня всё в порядке. Раздолбал фрицком батарею и пехоту и погонял малость. Вчера пришлось взяться за винтовки — фрицы подошли вплотную, хотели окружить. Нашлёпали им, а 22 взяли в плен.

...11 июля 1944 года. Не помню, отсылал ли я вам на этих днях письмо. Столько дел сейчас, что трудно всё запомнить. Три недели, как наступаем и успешно. Убитых и пленных немцев очень много, я ещё не видел их такое количество. За этот период я успел немного отличиться и предоставлен к награждению орденом “Отечественная война” 2 степени. Вчера проводил дружка в госпиталь. Крепкий парнишка: ранен в грудь навывлет, не ложился, ходил всё время, даже шутить пробовал. Влетел на той самой машине к немцам, сумел отбиться, даже пленных захватил. У меня пока всё в порядке, тоже разок попал в трудное положение, отделался благополучно, сдал экзамен на пехотного командира. Мне кажется, войне скоро конец, в 45-м ждите на побывку.

...20 июля 1944 года. Продолжаем наступать. Нахожусь в Западной Белоруссии. Посёлки здесь очень хороши, на красивых местах, чистенькие, в садах красивые постройки. Деревни от наших почти не отличаются, только садов больше. Но на Украине (село возле г. Куйбышевка-Восточная) тоже их хватает. Получил письмо от Павлика из г. Александрии. Пишет, что живёт хорошо, работает командиром роты.

...2 августа 1944 года. Добрый день, дорогая мамаша! Последнее письмо твоё меня очень удивило: кажется, ты и сейчас не прочь спустить мне штаны и выпороть. Да будет вам известно, что период таких воздействий давно прошёл (к вашему, несомненно, огорчению). Впредь творить что-либо подобное над собой никогда не позволю. Словами можно меня поносить, как угодно, словом меня не проймёшь. Кроме того, рукоприкладство в армии запрещено. Если бы не война, давно бы отказался от таких родственников, потому что пользы мне от вас никакой, только лишние хлопоты. Вот только некогда проверить это дело... Дальше писать в таком же тоне не хватает ни умения, ни искренности. У меня, мама, всё по-старому, если не считать то, что стал тебе чаще писать. Нахожусь на Втором Белорусском. Дело доходит до Германии (от Восточной Пруссии в 15 км). Сейчас временное затишье. Через несколько часов будем форсировать речку, неминуемо придётся покупаться. Это физически неприятно, но мало меня беспокоит, привык давно к подобному рода купаниям и другим вещам, что намного похуже. Пора заканчивать письмо. Темнеет. Погода здесь исключительная, не слишком жаркая и в достаточной степени сухая. Засушливые дни вам, связанным с огородами, может, и не по нутру, но я дождливую погоду отвергаю (правда, тучки в жаркий полдень, но без дождя — дело неплохое). С приветом, Лев.

* * *

Это было последнее письмо Льва. Спустя несколько дней наблюдательный пункт его был расстрелян прямой наводкой из нескольких “пантер”, атаковавших наши позиции.

В марте 1945 года матери Льва прислал письмо его школьный друг Павел Номоконов. “Добрый день, многоуважаемая и дорогая Ефросинья Григорьевна

и Вика! Сегодня я в пятый раз вернулся из госпиталя в свою часть. Мои товарищи по фронту накопили и сберегли целую кучу писем, и вот сегодня я целый день пишу ответы. Из письма мамы узнал страшную весть, и слёзы навернулись мне на глаза единственный раз за всё время войны. Что было мне делать? Я не хотел вам писать, чтобы не расстраивать вас лишний раз. Но я не мог не написать вам. Что я могу сказать? Единственное и самое сильное, чем я располагаю, — это жгучей ненавистью и жаждой мести за своего любимого друга Лёву. Заклятые сволочи уже пять раз пытались убить меня, но это были только раны, от которых я выживал. И сейчас у меня ещё крепкое здоровье для того, чтобы отправить на тот свет не один десяток всеми проклятых немцев. А бью я их неплохо, судя по тому, что получил новую правительственную награду — орден “Красного Знамени”. Сейчас с ещё большей ненавистью буду уничтожать проклятых гадов везде, где только будет возможность. Возможно, Лёва ещё жив, ведь на войне всякое бывает. Моя мама тоже получала извещение о моей гибели в 42-м году, а я всё ещё жив. Так что сильно не расстраивайтесь, подождём до конца войны и тогда узнаем точно. Прошу извинить меня, если я вас расстроил. Жду от вас писем. Если нужна будет какая-то помощь, пишите мне. Жду от вас писем. С приветом. Целую, ваш Павел”.

Павел погиб, не дождавшись победы над врагом. Такая же участь постигла и Леонида Воронина. Из юношей, окончивших вместе со Львом десятый класс, осталось в живых два человека.

Письма Льва Жучкова хранятся у дочери Виктории Ольги Лихачёвой, проживающей в Новокузнецке. Подготовлены к публикации с её разрешения.

**Геннадий Кузнецов,
член Союза журналистов СССР**